

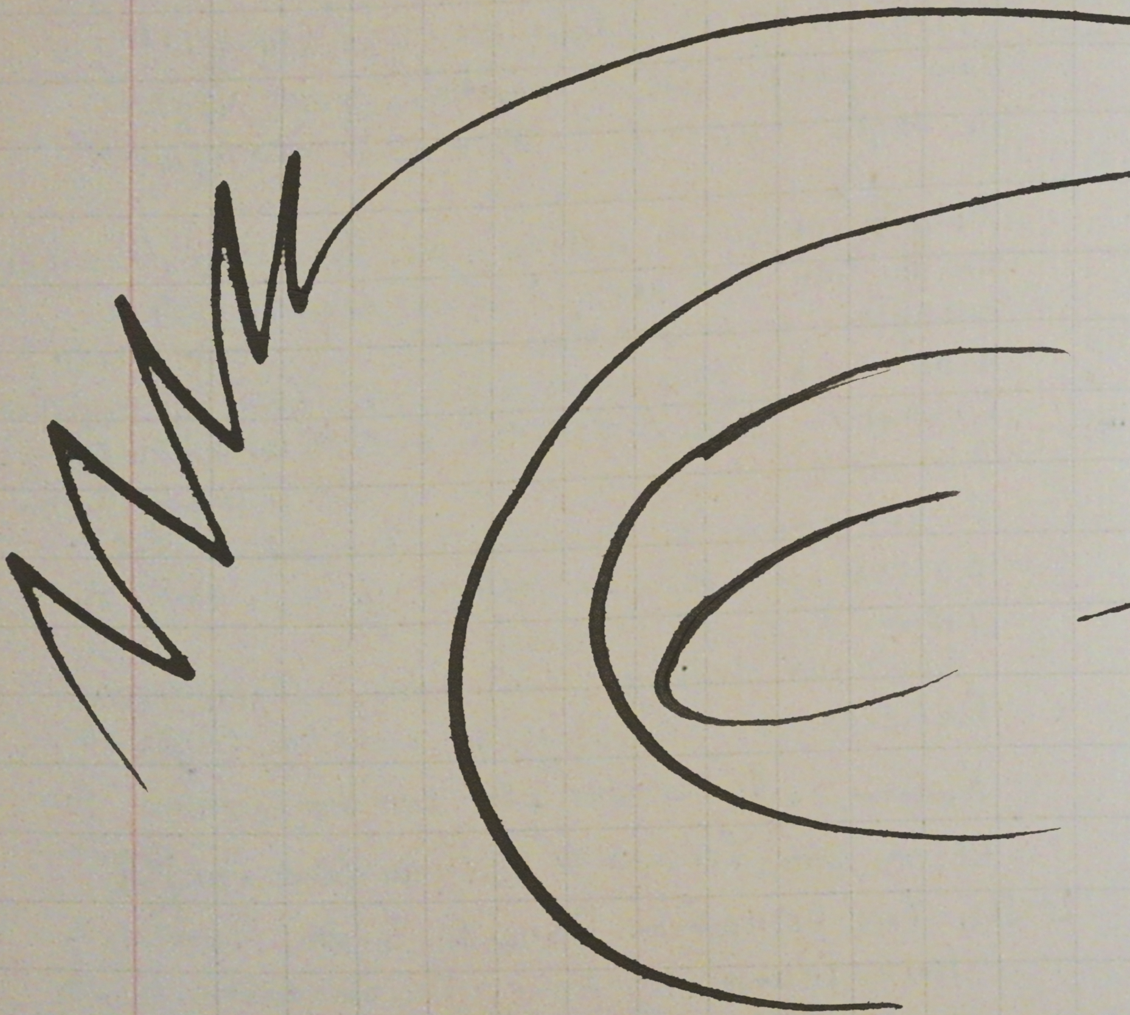

Алексей РЕМИЗОВ

Дневник мыслей

Ремизов
1947

48

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

ДНЕВНИК МЫСЛЕЙ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АРХИВ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Алексей РЕМИЗОВ

Дневник мыслей
1943 – 1957 гг.

ТОМ II
Январь 1946 – март 1947

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПУШКИНСКИЙ ДОМ»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • 2015

УДК 821.161.1.09
ББК Ш5(2=P)7-4Ремизов А. М. 12
Р38

федеральное государственное бюджетное учреждение

Российский гуманитарный научный фонд

Исследование осуществлено и издание подготовлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ, проекты № 10-04-00165а и № 14-04-16040д)

Редакционный совет РГАЛИ:

Т. М. Горяева (председатель), Л. М. Бабаева, Л. Н. Бодрова,
Е. В. Бронникова, А. Л. Евстигнеева, Т. Л. Латыпова, М. А. Рашковская,
Н. А. Стрижкова, Е. Ю. Филькина, Л. В. Хачатурян

Ответственный редактор	Научный редактор	Архивное сопровождение
<i>А. М. Грачева</i>	<i>Е. И. Гончарова</i>	<i>Н. М. Коньчевой</i>

Ремизов А. М.

Р38 Дневник мыслей 1943—1957 гг. / отв. ред., автор вступ. ст. А. М. Грачева; подгот. текста О. А. Линдеберг; коммент. А. М. Грачевой и Л. В. Хачатурян. — СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2015. — Т. 2: Январь 1946 — март 1947. — 384 с.; ил.

ISBN 978-5-91476-060-8

«Дневник мыслей» (1943—1957) мастера русского авангарда Алексея Ремизова — уникальное произведение документально-художественной прозы русской эмиграции. Второй том Дневника содержит записи 1946—1947 гг. На его страницах сквозь призму «подстриженных глаз» писателя представлены картины послевоенной жизни русской эмиграции во Франции: восстановление культурной жизни в изгнании, изменение ее политической поляризации, особенности процесса репатриации и взаимодействия с советскими дипломатическими кругами. В Дневнике отразилась литературная работа Ремизова над книгами «Мышкина дудочка», «В розовом блеске», «Иверень». Записи реальности сочетаются со сновидениями сюрреалистического характера. Раздел «Образы слова» содержит впервые публикуемые материалы: редкие фотографии лиц из дружеского окружения, а также художественные альбомы и рисунки писателя. Издание подготовлено научным коллективом архивистов РГАЛИ и филологов Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

УДК 821.161.1.09

ББК Ш5(2=P)7-4Ремизов А. М. 12

ISBN 978-5-91476-060-8

© Российский государственный архив литературы и искусства, 2015

© А. М. Грачева, вступ. ст., 2015

© О. А. Линдеберг, подгот. текста, 2015

© А. М. Грачева, Л. В. Хачатурян, коммент., 2015

© Л. Л. Ликальтер, художественное оформление 2015

© Издательство «Пушкинский Дом», 2015

Содержание

А. М. Грачева. «Дневник мыслей»:	
слои бытия Алексея Ремизова 1940-х годов	7
От составителей	33
Дневник мыслей	
Тетрадь III. Январь — август 1946 г.	43
Тетрадь IV. Август 1946 — март 1947 г.	137
Образы слова	
Фотографии	222
Рисунки	230
Альбомы	246
Комментарии	321
Источники текста	342
Список сокращений	343
Указатель имен	343
Список иллюстраций	379

«Дневник мыслей»: слои бытия Алексея Ремизова 1940-х годов

Второй том «Дневника мыслей» А. М. Ремизова является продолжением публикации поздних ежедневных записей писателя, которые он вел с 1943 по 1957 г¹.

Интерес к сновидениям был свойственен Ремизову еще с начала XX в.², когда литератор начал записывать сны, как свои, так и супруги — Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло. Затем писатель использовал их как элементы художественной структуры произведений, а также публиковал записанные тексты снов автономно, как явления определенного самостоятельного жанра. В 1930-е гг. (вплоть до 1940 г.) Ремизов регулярно фиксировал сновидения в виде альбомов рисунков с подписями³. При этом он использовал

1. См.: *Дневник мыслей. I.*

2. Подробнее см.: *Обатнина Е. Р.* Творчество памяти. Мифологическое пространство художественной прозы Алексея Ремизова // *Ремизов. [Т. 7].* С. 476—501.

3. См., например: *Ремизов А. М.* Именинный графический пряник Тырло. 550 снов. 22. XII. 1933 — 8. IX.1937 // *РО ИРЛИ.* Ф. 256. Ед. хр. 46. 597 л.

стилистику и эстетические принципы построения древнерусских икон. Зачастую на его рисунке центральное событие суток (дня или ночи) сопровождалось клеймами с изображениями отдельных сюжетов снов и портретами персонажей, головы которых были окружены нимбами. С началом оккупации Парижа немцами писатель прекратил ведение графических дневников, опасаясь обыска и компрометации третьих лиц.

В период Второй мировой войны Ремизов с женой безвыездно находились в Париже, где пережили немецкую оккупацию. Ее оценку можно видеть в его записи 1949 г. о содержании посвященной этому времени книги «Мышкина дудочка». По словам писателя, это произведение останется непонятным, оно «глухое для тех, кто не побывал в аду в годы оккупации»⁴.

В эти годы С. П. Ремизова-Довгелло была безнадежно больна. Поглощенный уходом за женой, бедствующий, но не ставший коллаборационистом, писатель прервал литературные занятия. Он смог вернуться к ним только постепенно, после смерти Серафимы Павловны, которая скончалась 13 мая 1943 г. Вскоре ведение дневника Ремизовым возобновилось и не прекращалось вплоть до смерти писателя в 1957 г.

Ремизовский дневник 1943—1957 гг. представляет собой произведение нового вида традиционного документально-художественного жанра. Его авторское определение — термин «дневник мыслей» — было заимствовано Ремизовым из названия текста Льва Шестова, содержащего частично датированные записи рублика 1919—1920 гг. — времени отъезда философа в Швейцарию из Крыма⁵. Сквозная тема шестовского произведения — преодоление жизненных невзгод силой человеческого разума. Вероятно, идея использовать определение, придуманное Шесто-

4. Цит. по кн.: Волшебный мир Алексея Ремизова. Каталог выставки. СПб., 1992. С. 31.

5. Шестов Л. Дневник мыслей // Континент (Париж). 1976. № 8. С. 235—252.

вым, возникла у Ремизова в связи с обстоятельствами его жизни в 1940—1950-х гг.

Заимствовав у Льва Шестова термин, Ремизов, тем не менее, создал свой, совершенно новый вид дневниковой прозы. Его формирование прошло несколько этапов, что видно по сохранившимся архивным источникам.

Сначала (дневниковые записи мая — сентября 1943 г.) ведение ежедневных заметок было традиционным. В последовательно продолжающихся постраничных записях автор кратко пересказывал события своего дня, которые дополнялись изложением сновидений.

В дальнейшем, с октября 1943 г., Ремизов, в условиях бумажного дефицита, перешел к ведению дневника в общей тетради в клетку. Начиная с этого времени ежедневные записи размещались на левой (оборотной) и правой сторонах разворота тетради. В первой тетради (октябрь 1943 — март 1945 г.) на левой стороне изначально располагался текст бесконечного монолога Ремизова о потере любимой жены. На некоторое время эта (левая) половина тетрадного разворота существовала как бы автономно от правой, имея свою монотему и единый лирический настрой, сопоставимый со стилистикой поминальных плачей. На правой же стороне Ремизов лапидарно, значками или несколькими словами, фиксировал события, предвещающие сон (в основном это были точные указания времени и количества бомбардировок и сигналов воздушной тревоги), а также стилистически нейтрально пересказывал сюжет самого сновидения. Таким образом, вначале разворот дневника представлял собой двуединство лирической прозы и хроники.

Только во второй тетради (март 1945 — январь 1946 г.) Ремизов постепенно пришел к тому типу организации текста, который в дальнейшем стал определяющим структурным принципом его «Дневника мыслей». На левой (оборотной) стороне тетрадного разворота писатель делал краткие записи о дневных событиях. Они состояли из списков лиц, приходивших в его парижскую квартиру

на улице Буало или присутствовавших на значимых для Ремизова событиях (поминальных посещениях могилы Серафимы Павловны, панихид по ней в церкви и т. д.); кратких записей дат смерти знакомых; помет о получении материальной (денежной или вещевой) помощи; библиографических сведений о вышедших публикациях и полученных гонорах. Все записи помечались цифрами, четко соответствующими дате дневного события. Значительные по объему списки лиц могли дополнительно к цифре, означающей дату посещения квартиры Ремизова, сопровождаться внутренней порядковой нумерацией.

Анализируя семантику записей подобного типа, надо вспомнить, что Ремизов получил образование в московском Александровском коммерческом училище, откуда он вышел с профессиональными знаниями по «бухгалтерии и коммерческой арифметике»⁶, включающими ведение бухгалтерских книг. Именно этот стилизованный источник лежит в основе поэтики его «дневных» страниц, по сути представляющих собой вариант бухгалтерских записей.

На правой стороне тетрадного разворота следовали ремизовские пересказы снов, помеченные двойной датой, обозначающей ночь с такого на такое-то число, например: «1—2. X.», «12—13. XII.» и т. д.

Тетради, конца января 1946 — марта 1947 гг., вошедшие во второй том Дневника, содержат заметки уже выработанного, достаточно четкого типа. В них левая (оборотная) сторона разворота чисто информативна. По стилю ее можно отнести к деловой письменности. Правая (сновидческая) сторона является в тексте Дневника ведущей и находится на грани документальной и художественной прозы. В ней сюжетно разворачивается фантазия Ремизова-сновидца и художественное мастерство Ремизова-писателя. Лапидарно-регистрационная манера левой стороны разворота здесь сменяется

6. См.: Аттестат воспитанника Александровского Коммерческого Училища Алексея Ремизова // *Ремизов. [Т. 8]. С. 516—517.*

емким, зачастую метафорически усложненным художественным стилем.

Содержание второго тома «Дневника мыслей» Ремизова отражает повседневную жизнь писателя в условиях только что пережившей войну Франции, а также фиксирует направление его литературной работы тех лет. В концентрированном, хотя и несколько субъективном виде Ремизов сам охарактеризовал разные стороны своей жизни этого периода в датированном 5 июня 1946 г. письме к старому другу — литературному критику Р. В. Иванову-Разумнику:

«Три года живу, как в затворе. Никуда не выхожу, и редко кто заглянет. Глаза мои: 15 диоптрий, а правый глаз <на> 9/10 погас (склероз); зимы без отопления, простудил ногу, мой стол у окна, и год, как охвостился, анемия на правой, ничего не больно, а чувство, как хвост, ну, и не ходок стал. Так все и сижу у окна. И только на кухню, что-нибудь приготовить. Стараюсь не выходить на волю, а приходится за хлебом и папиросами, когда выдают. Часы у меня только маленькая стрелка, и всегда бегут. Живу приблизительно. За все эти годы по-русски здесь печатался дважды: в „Русском сборнике“ (попросил послать Вам). Это из моей книги 1943 г. интермедия „Очарование“, глава третья „Мышкина дудочка“, а первые главы в „Новоселье“ (New York): I „Чудеса в решетке“, II „Чаромутие“.

„Русский сборник“ на один номер, не думаю, что будет второй. Еще напечатали во „Встрече“ в № 2 и последнем. Писал для франц<узского> изд<ания> „Скверного анекдота“, как предисловие: „Потайная мысль Достоевского из каторжной памяти“, с примечаниями (их не напечатали). „Встреча“ — тоненькая тетрадка. В самом лучшем сборнике „Saisons 1946“, весна, появился по-франц<узский> „Черный араб“ и я написал Coprésentation. А по-русски в „Новоселье“ (2 страницы).

Кое-что печатаю по-французски и вышли три книжки: для детей с картинками „Мышка-морщинка“ из „Посолони“, „Sentiervers l'invisible“, это „Петушок“ и др<угие> рассказы и второе изд<ание> „Крестовых сестер“.

И зачем все это, я не знаю, перевести меня на франц<узский> нельзя, да и вообще монгольский не латынь, совсем другой лад. А денег — почти ничего: все уходит переводчику и тому, кто исправляет перевод. В двух здешних газетах я не участвую, еженедельные. Да с моим, если бы меня и приняли, так в год раз. Приходится обращаться за „вспомоществованием“. Такая судьба, значит, до последнего дня. <...>

Мне очень трудно писать с электричеством. В Лихо одноглазое обратился.

А занимаюсь я документами XVII в., — заговорит ли Россия по-русски — на русский лад? — вот о чем и думаю и ищу, *как говорилось по-русски*. Я заметил, что проза наша серая и все сереет — надо природный дух жизни»⁷.

Как отмечалось, во втором томе «Дневника мыслей» «дневные» стороны тетрадного разворота фиксируют списки лиц, в реальности приходивших в квартиру писателя или присутствовавших на значимых для него событиях вне ее. Сравнительный анализ перечислений посетителей этих лет с гостевыми перечнями, вошедшими в первый том дневника, показывает соединение в них одновременно статике и динамики общения Ремизова в первые послевоенные годы.

Обратимся к спискам личных друзей писателя. В годы немецкой оккупации его «ближний круг» в основном составляли пожилые русские эмигранты, часть из которых жили в том же доме № 7 по улице Буало: востоковед В. П. Никитин («Эмир обезьяний»), театральный режиссер Н. Н. Евреинов, его жена А. А. Евреинова-Кашина («Купоросная»), А. Н. Полякова («Акула», «Жар-Птица», «Кошатница»), Е. Д. Унбегаун («Верховая», «Бабушка Верховая», «Половчанка») и др., а также обитали по соседству, как, например, его старый друг — литератор и врач В. Н. Унковский («Африканский доктор») — или художница О. Ф. Ковалевская («Листин», «Слепышка»).

Примечательно, что посетители квартиры писателя, упоминаемые в тетрадях Дневника за май 1943 — январь 1946 г., почти сразу же были аккумулированы творческим сознанием Ремизова, став героями его произведения: вскоре после смерти жены литератор начал работать над экспериментальным текстом, озаглавленным «Мышкина дудочка». Его первоначальная редакция 1944 г. имела заглавие и подзаголовок: «Очарование. / Интермедия для чтения./

7. Встреча с эмиграцией. Из переписки Иванова-Разумника 1942—1946 годов / публ., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Раевской-Хьюз. М.; Париж, 2001. С. 293—294.

Действие происходит в оккупации 1940—1943 / в Париже на Rue Voileau в доме с белыми муравьями, крысами, мышами, и блох довольно»⁸. После окончания войны этот круг старых друзей в основном сохранился. Изменения произошли либо из-за их отъезда, либо (как в случае с Н. Н. Евреиновым) из-за возникших политических разногласий между бывшими приятелями.

Однако, как свидетельствуют тетради второго тома Дневника, в 1946—1947 гг. на улице Буало появились и новые лица и прежние друзья и знакомые. Одни из них, такие как профессор Б. Г. Унбегаун, вернулись из немецких концлагерей, другие, как Б. Б. Сосинский, В. Л. Андреев, возвратились в Париж после участия во французском Сопротивлении.

Из французской провинции — с острова Д'Олерон — вновь приехали в Париж друзья Ремизова еще с берлинских времен — литератор О. Е. Колбасина-Чернова и ее дочери: Н. В. Резникова, О. В. Андреева и А. В. Сосинская со своими детьми. Этот семейный клан, включая и мужей «сестер Черновых» (Д. Г. Резникова, В. Л. Андреева и Б. Б. Сосинского), до конца жизни писателя будет всячески ему помогать и опекать его. Начиная с 1946—1947 гг. записи «дневной» стороны тетрадного разворота фиксируют почти ежедневные посещения писателя членами этой дружной семьи. Наталья Резникова станет не только «Ангелом-хранителем» старого писателя, но и его ближайшей литературной помощницей. Имя этой Наташи постоянно упоминается в дневных записях, возникает оно и в снах Ремизова.

На страницах «Дневника мыслей» в списках посетителей появляются имена уехавшей в США в период войны четы: предпринимателя и мецената И. В. Кодрянского и его супруги, начинающей писательницы Натальи Владимировны. В дневных записях отмечена

8. Ремизов А. М. Очарование // *Собрание Резниковых.*

материальная помощь Кодрянских (посылки, безвозвратные денежные ссуды, идущие на оплату коммунальных расходов или на приобретение земли, занятой могилой супруги писателя). Также указаны частые посещения ими квартиры на улице Буало. В это время Ремизов редактировал и, по сути, переписывал тексты сказок Кодрянской, а в дальнейшем сочинил панегирическое предисловие к подготовленной им книге⁹. Литературная ученица настороженно относилась к сохранению тайны реальной роли писателя в ее книжном проекте. Об этом, в частности, свидетельствует письмо к ней Ремизова от 30 июля 1947 г., по содержанию являющееся ответом на какие-то упреки адресата: «...„Слушаю и повинуюсь“. 4-е сказки написаны *Вам для Вас, а не для печати, и никому я их не читал. Если Вы прочтете письмо перед письмом с 4-ой сказкой, Вы увидите строчки, пишу: не рассказать ли Вам сказку? Чтобы Вас навести, расположить к сказочному, настроить на сказочный лад. А кроме всего, Вы это знаете, мне и печататься негде. Вы как-то мне не верите. Неужто я чем-нибудь мог помешать Вашей книге? / „Темная ночь, только пули свистят по степи...“»¹⁰ Примечательно, что значительная по объему работа над текстами Кодрянской, проведенная литератором в 1947 г., никак не отмечена на «дневных» страницах дневника и нашла выражение только на его сновидческой стороне:*

Сон с 22 на 23 декабря 1946 г.:

«Кодрянская на кухне требует немедленно поправить какую-то сказку»¹¹.

Сон с 12 на 13 января 1947 г.:

«С. П. и Кодрянскую. Переехали на новую квартиру. А о Кодрянской: пишу предисловие к ее книгам»¹².

9. *Кодрянская Н. Сказки / предисл. А. Ремизова; рис. Н. Гончаровой. Париж, 1950.*

10. *Ремизов А. М. Письмо Н. В. Кодрянской. 30 июля 1947 г. // РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 169. Л. 2 об.*

11. *Наст. изд. С. 184.*

12. *Наст. изд. С. 193.*

Сон с 18 на 19 февраля 1947 г.:

«К(одрянская): „Опять я не наполнена, а я хочу наполнения“»¹³.

В дальнейшем деловые отношения Ремизова с его «литературной внучкой» перешли в дружбу, продолжавшуюся до смерти литератора.

Существенное место в списках посетителей занимают имена французских переводчиков произведений Ремизова. Некоторые из них, как, например, Андре Може и его супруга, также впоследствии стали друзьями писателя и частыми гостями квартиры на улице Буало.

«В первые послевоенные годы, — вспоминал о жизни Ремизова тех лет его давний знакомый, литературный критик и журналист А. В. Бахрах, — когда он очутился один и не было больше его Серафимы Павловны, которая была скорее предметом его неустанных забот, нежели „заботливой женой“ в общепринятом понимании этих слов, я забегал к нему довольно часто. Не могу забыть, как среди всей внешней неорганизованности его жизни, среди всех ее повседневных трудностей он как-то в случайном разговоре воскликнул: „Боже, как я богат“. В этих словах не было ни позы, ни иронии. Он действительно считал себя богатым той ревниво им охраняемой творческой свободой, богатым нежеланием подчиниться жизненной прозе. (...) Для каждого из своих знакомых им была припасена кличка, и Ремизов искренно считал, что, произнося ее, каждый обязан был знать, кого он имеет в виду. (...) В своей квартирке он жил точно улитка в своей скорлупе, всегда казался хилым, всегда сутулился, всегда ежился от холода и завертывался в какие-то оренбургские платки, и можно было подумать, что малейший порыв ветра его опрокинет. Ему нужны были люди, собеседники, кто-то,

кому можно было дать невыполнимое поручение, кто мог бы стать объектом для его надуманных снов, которые когда-то так пришлось по вкусу французским сюрреалистам. (...) А по существу он был однолюбом в самом буквальном смысле, и после кончины Серафимы Павловны (...) его жизнь была, в конечном счете, уже неким прозябанием... Хотя (...) с ее смертью он, может быть, подсознательно почувствовал некий избыток свободы; но ведь человеку с белой палкой едва ли была нужна такая свобода»¹⁴.

Действительно, после смерти Серафимы Павловны основным духовным стержнем жизни писателя стало осмысление значения своей жизни без любимой и установление астральных (метафизических) контактов с ней. Первоначально это было основной темой «Дневника мыслей». Эту тему фиксировали ранние записи левой (исповедально-лирической) стороны дневника:

Запись, параллельная записи
сна с 18 на 19 декабря 1943 г.:

«Образ смертный и больной загоразвивают образ светлый. На глазах пелена. Как-то надо ее развеять»¹⁵.

Запись от 13 сентября 1944 г.:

«Меня утешают: говорят: С. П. лучше, что ее нет сейчас, что не бедует она беду нашей жизни, что она так мучилась. Это верно, но разве я могу забыть любовь человека, единственную любовь — мой дар, наверное, редчайший на земле, 16 месяцев сегодня»¹⁶.

Запись, параллельная записи
сна с 21 на 22 октября 1944 г.:

«Не могу вспомнить спокойно день похорон. Ясный день мне напоминает то утро и мертвецкую, и церковь, и кладбище, и потом дом. Моя одеревенелость. (...) Могу ли изжить, спрашиваю себя, нет, на-

14. Бахрах А. По памяти, по записям // Бахрах А. Бунин в халате. По памяти, по записям / сост., вступ. ст. и коммент. Ст. Никоненко. М., 2004. С. 491—492.

15. Дневник мыслей. I. С. 54.

16. Там же. С. 125.

верно, до смерти. А после смерти, могу ли победить эти чувства, уже бесчувственный, но по-другому, не так, как в то утро, в тот день и в тот вечер. Я хотел бы пробить эту стену, отделяющую живое и мертвое. Но ведь тут не только чувство, а мое сознание — то, что не пропадает, так говорят, что не пропадает. Если бы я знал, что не пропадает, я бы думал, что это сознание мое в какой-то форме выразится там, по смерти, и я бы по-другому жил, не так, как эти полтора года. Теперь у меня впереди тьма. И сознание неисполненного и неисполненного, чего нельзя поправить»¹⁷.

Запись, параллельная записи
сна с 26 на 27 февраля 1945 г.:

«— Стало быть, вы можете жить?

— Да, могу.

Но надо было ответить, что нельзя задавать такого вопроса»¹⁸.

Дневные записи постоянно констатировали *отсутствие* любимой в течение будничных дел Ремизова. Но на противоположной («сновидческой») стороне тетради она *присутствовала* почти в каждом сне писателя. В эссе «Полодни ночи» (опубл. в 1953) Ремизов писал: «Продолжающееся бытие мертвых открывается в снах у живых. В сновидении единственное общение „этой“ жизни с „той“ жизнью. Только так мертвые и могут входить в жизнь живых и, возможно, что и живые могут что-то изменить в судьбе мертвых»¹⁹. Серафима Павловна стала постоянной «ночной спутницей» писателя в его снах.

Если в записях 1943 г. в сновидениях отражались непосредственные воспоминания о недавних обыденных обстоятельствах парижской жизни Серафимы Павловны и Ремизова, то затем география, временные рамки и круг лиц, приходивших ночью в сны к супругам Ремизовым, стали все более выходить за рамки

17. Там же. С. 131.

18. Там же. С. 156.

19. Ремизов. [Т. 7]. С. 357.

реально бывшего. Надо отметить, что корреляция сознательного и бессознательного в снах Ремизова — это предмет пограничных исследований филологов и психологов. Однако несомненно, что факт постоянного присутствия Серафимы Павловны в ночном мире Ремизова был одним из способов, который писатель использовал, чтобы, пользуясь его словами, «пробить <...> стену, отделяющую живое и мертвое». Другой возможностью для него «воскресить» и одновременно метафизически общаться с супругой было восстановление духовной сущности Серафимы Павловны в произведениях, при этом творческий акт воспринимался как определенное магическое действие.

Регистрационные библиографические записи во втором томе «Дневника мыслей» за 1946—1947 гг. отражают возобновление публикаций новых произведений Ремизова в периодике. Он печатался в русских газетах и журналах США (прежде всего в «Новоселье»), а также в парижских изданиях и сборниках. Особо отмечен в «Дневнике» выход альманаха «Орион» (Париж, 1947). Среди списков посетителей квартиры на улице Буало неоднократно отмечены участники и редакторы этого издания Ю. Одарченко, Н. Туроверов и В. Смоленский. Альманах объединил писателей разных поколений эмиграции: И. Бунина, Б. Зайцева, Н. Тэффи, А. Гингера, Г. Газданова, Н. Туроверова, Ю. Одарченко и др. Издание стало событием в жизни русского Парижа. Именно в нем Ремизов опубликовал отрывок: «Из страд. „Сквозь огонь скорбей“»²⁰.

В процессе работы над этим произведением Ремизов впервые использовал текст «Дневника мыслей» в качестве источника своего нового литературного труда.

20. Об участии А. Ремизова в «Орионе» см.: Письма А. М. Ремизова к Ю. П. Одарченко / вступ. ст., публ. и коммент. А. М. Грачевой; подгот. текста А. М. Грачевой и В. П. Польшковской // Наше наследие. 1995. № 33. С. 93–104.

Еще в конце 1910-х гг. писатель начал создание многоуровневого прозаического произведения «В розовом блеске» — истории жизни Серафимы Павловны, — и донине не изданного в полном объеме²¹. Роман-коллаж, до последнего этапа рукописной истории текста носивший название «Оля»²², был окончательно завершён на рубеже 1940—1950-х гг. Каждая из его созданных в разное время частей несла на себе черты менявшейся стилистики Ремизова. Три первых части «В розовом блеске» — это повествование о детстве, юности «Оли», времени ее знакомства с будущим мужем. Они были написаны еще при жизни Серафимы Павловны и являлись предвестием «орнаментальной прозы» 1920-х гг.

Следующая часть («Сквозь огонь скорбей») была создана после кончины прототипа героини и была основана на аккумулятивной эстетике сюрреализма. О работе над ней Ремизов свидетельствовал: «После трех лет невольной передышки я набросился писать. Сначала было очень трудно, понемногу вошел, и все лето и осень пишу, не прерываясь. И пока писал, я видел перед собой живого человека, слушал и отвечал, но как только я кончил, и тотчас очутился в мертвецкой. (...) Мертвое лицо неотступно в моих глазах»²³.

После смерти жены для Ремизова выходом из депрессивного состояния стали писание «Дневника мыслей» и работа над повествованием «Сквозь огонь скорбей». Как удалось установить, это название восходит к церковнославянскому тексту 65-го псалма: «Яко искусь ны еси, Боже, разжегль ны еси, якоже разжизается сребро. Ввел ны еси в сеть, положилъ еси скорби на хребтѣ нашемъ. (...) проидохомъ сквозѣ огнь и воду, и извелъ еси ны въ покой» (Пс. 65: 9—11).

21. Публикация романа «В розовом блеске» в Издательстве имени Чехова была неполной. В связи с требованием издателя ограничить объем текста Ремизов изъясил из наборной рукописи первую часть («В поле блакитном»), посвященную детству героини. См.: Ремизов А. В розовом блеске. Нью-Йорк, 1952.

22. Оля — имя, которым себя называла С. П. Ремизова-Довгелло.

23. Ремизов. В розовом блеске. С. 400—427.

Почти сразу же, в 1944—1946 гг. Ремизов начал интенсивно перечитывать свои ранние дневниковые записи, обращаясь к ним как к исходному материалу для создания нового литературного произведения. В текст «Сквозь огонь скорбей» вошли многочисленные цитаты, пересказы размышлений и снов из «Дневника мыслей», например:

«Дневник мыслей»

Запись 26. V. 1943

«Получил из больницы крестик и головную косынку — завернут гребешок и шпильки, ложечку — и это все» (*Дневник мыслей. I. С. 38*).

Запись 14—15. VI. 1943

«В первый раз видел во сне С. П. в белом. В ее комнате огромное окно и видно зарево. Мы оба в этой комнате, но странно, ее я вижу, хоть и рядом с собой, а как будто на дальнем расстоянии: лицо «в общих чертах». А в другой комнате Чижов с каким-то неизвестным, они чего-то боятся» (*Дневник мыслей. I. С. 38*).

Запись 2—3. VII. 1943

«Ночью в 3 ч(аса) вдруг услышал оклик С. П. «М-а!» — ласково. И уже спал после. А вдруг это сон, и я проснусь, и все как было в жизни, вернется» (*Дневник мыслей. I. С. 39*).

«В розовом блеске»

часть «Сквозь огонь скорбей»

«На третий день я получил в госпитале крестик и, завернутые в головную сетку, четыре платка и белый гребень — все, что осталось» (*Ремизов. В розовом блеске. С. 706*).

«В соседней комнате — мне и это видно через стену: Чижов с Бутчиком. (...) И знаю, чего-то они боятся, или, это ночь и свет: такой — лунный. (...) Мы стоим рядом лицом к окну: она в белом и вся светится: платье, лицо и руки — приподнятые руки — глаза и улыбка — в розовом блеске, такой блеск я помню у Рублева» (*Ремизов. В розовом блеске. С. 707*).

«Только в эту ночь, в первый раз за все 40 ночей вдруг слышу — так ясно и просто зовет... И уж наяву, прислушиваясь к моей звучащей памяти и в ней различая этот голос — он звал меня так ясно и просто, — и я подумал: „Вот однажды на оклик проснусь, и все, что было, окажется только сон был“» (*Ремизов. В розовом блеске. С. 707*).

Запись 19—20. III. 1945

«С. П. надулась и пошла из кукушки-ночь, в вечерний смутный час и средней. И стало очень страшно. Я так ди бела дня вдруг. Или когда что надеялся, хотел спросить, в чем дело, начинать или в трудное раздумье. и почувствовал, что страх оставляет Я знаю, мой прощальный взгляд — без слов. В <1 нрзб.> я услышал голос его покроеет этот материнский голос в комнате, очень тихо и узнал этот в последний путь» (Ремизов. *В розовом голосе*. Но это было на мгновенье» *вом блеске*. С. 712).
(*Дневник мыслей*. I. С. 161).

В романе «Сквозь огонь скорбей» структура текста была сформирована на основе совмещения повествования о темпорально-объективном развитии событий (болезнь, смерть Серафимы Павловны, первые действия окружающих после случившегося) и изложения сновидений, в которых «Оля» продолжала жить независимо от своего исчезновения из мира. Таким образом, происходило преодоление законов реальности путем утверждения параллельного существования метафизического и физического планов бытия.

Если же говорить о реальной жизни Ремизова в 1946—1947 гг., то в это время главным вопросом, стоявшим перед ним, был вопрос о возвращении на родину.

Победа Советской армии над гитлеровской Германией вызвала подъем патриотических чувств у значительной части русской эмиграции. После войны на короткое время возникли иллюзии о переменах в СССР, об изменении политического режима, и появилась надежда вернуться в Россию. 14 июня 1946 г. советским правительством был принят декрет «О восстановлении в гражданстве СССР подданных б(ывшей) Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции». После освобождения Франции Ремизов стал предпринимать шаги по возвращению в Россию. Это также было связано с его желанием, усилившимся после смерти супруги, воссоединиться с дочерью Наташей.

В силу обстоятельств дочь Ремизовых воспитывалась в семье родственников Серафимы Павловны в их имении на Украине и после революции осталась в Советской России. Она закончила филологический факультет Киевского университета, была рекомендована в аспирантуру. Но путь в нее для соискателя, родители которого оставались в эмиграции, был закрыт. Наталья жила в Киеве, работала учительницей русской и украинской литературы в школе, родила сына Бориса. Вплоть до середины 1930-х гг. она переписывалась с родителями. Обмен посланиями был возобновлен после оккупации Украины немецкой армией в 1941 г., но потом вновь оборвался.

Во втором томе «Дневника мыслей» темы, которые можно обозначить как «возвращение на родину» и «Наташа Ремизова», присутствуют и в реальной, и в сновидческой частях текста. Фактически они и формируют главный лейтмотивный сюжет дневниковых записей этого периода.

Н. Берберова, знавшая писателя со времени русского Берлина начала 1920-х гг., вспоминала: «...в Ремизове чувствовалась скрываемая (...) страшной силы тоска по России. Скрывалась она постоянно, но прорывалась время от времени какой-то болью в лице, или в слове, или во взгляде, или еще — в молчании посреди разговора. (...) Однажды, рассматривая рисунки Ремизова, его бумаги, книги, лежащие на столе, книги, стоящие на полках, я спросила, как он может жить без России, когда Россия так много для него значит? Он тихо сказал, сделав свою страдальческую гримасу: — Россия — это был сон»²⁴.

В сновидениях Ремизова 1946—1947 гг. сюжет об отъезде четы Ремизовых домой, в Россию, разворачивался панорамно. В ночном мире писателя это событие обрастало рядом устойчивых деталей и было связано с постоянным эмоциональным настроением нара-

24. Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. М., 2001. С. 307.

стающей тревоги. Чаще всего возвращение было сопряжено с поездкой на поезде. Многочисленные сно-формы содержат мотивы прибытия на вокзал и связанных с грядущим путешествием волнений: боязни опоздать, не сесть в нужный вагон, потерять багаж. Началу нового странствия также сопутствовали горестные утраты того, что было с трудом обретено в изгнании, и прежде всего квартиры и немудрящего скарба. При этом в ряде сновидений Ремизовы ехали не одни. Вместе с ними в «поход на родину» собирались еще многие люди. В снах состав этих «возвращенцев» постоянно менялся: от парижского «дальнего» окружения писателя (в основном людей, как-то связанных с политикой) до старых знакомых Ремизова еще по России (М. Горького, А. Аросева, М. Пришвина и др.).

Сон с 19 на 20 марта 1946 г.:

«С. П., на ней золотые часы и цепочка. Мы на ж(елезно)дорожных путях. Едим мороженое. (...) А с нами Аросев. Пришвин приехал. И у нас, но все на ж(елезно)дорожных путях. И уезжает. Да побежал не к остановке. Поезд подъехал. Бежит Пришвин: поспеет ли?»²⁵

Сон с 13 на 14 апреля 1946 г.:

«Нам надо уезжать: „война“. И мы спешим. И с нами Горький. И я говорю о Горьком: — „Вот ему за границу“ (подразумев(ая), в Россию)»²⁶.

Сон с 16 на 17 мая 1946 г.:

«Комната, к(а)к приемная. И все приезжают. Сувчинский, Гучкова В. А. (его бывшая жена) и еще кто-то из старых знакомых, какая-то приехала, спрашивает С. П. И я говорю С. П.: это все хотят поехать в Россию и только скрывают»²⁷.

Сон с 3 на 4 августа 1946 г.:

«Сели в вагон и едем: с нами мать Пузыря и мальчик, ее сын, капризничает. Выбежал я на остановке, забыл, что билеты не купил, и ку-

25. Наст. изд. С. 65.

26. Наст. изд. С. 75.

27. Наст. изд. С. 89.

пил. А уж 3 звонок. Бегу к последнему вагону в горку — песок. И вдруг схватился: сколько от Москвы до Петербур⟨га⟩ — 50 ру⟨блей⟩ или 60? А поезд тронулся: а я все спрашиваю — сколько, сколько? Стою дураком»²⁸.

Сон с 20 на 21 сентября 1946 г.:

«К. И. Солнцев. Вешаю картинку на стену. Неловко и с трудом поднявшись на стул, тянусь. Пошел дождик — вижу в окно. И думаю, как же мне возвращаться. Корчи России — война или революция. У меня стопка „Известий“ — „Экстренное прибавление“ к газете»²⁹.

В период 1946—1947 гг. количество снов, посвященных теме возвращения в Россию, постепенно нарастало. Сновидения о разных фазах мысленной поездки сопровождались видениями главных городов, с которыми когда-то была связана судьба Ремизова, — Москвы и Петербурга. При этом в сно-формах столица Российской империи в основном представляла в своем узнаваемом, парадном обличье (Николаевский вокзал, Невский проспект, Летний сад). Москва же чаще всего оборачивалась местами, где проходили детство и юность писателя (окрестности Андроникова монастыря, Девичье поле, Сыромятники, уголки Замоскворечья).

Сон с 18 на 19 февраля 1946 г.:

«Я вышел к мосту Палаты Депутатов. И сейчас же назад через мост, и тут какие-то очень бедно одетые со мной. И вижу Летний Сад в Петербурге»³⁰.

Сон с 5 на 6 июля 1946 г.:

«Сон лучше. Деление. Все на какие-то части. В Москве на Земляном Валу: какие великолепные золотые иконы»³¹.

28. Наст. изд. С. 121.

29. Наст. изд. С. 148.

30. Наст. изд. С. 54.

31. Наст. изд. С. 110.

Сон с 9 на 10 декабря 1946 г.:

«Собрались в театр. Со мной какие-то, не знаю, вроде Злобина. И вышли, и прошли довольно мало — в Москве — ну, до 4 гимназии (Покровка). Еще как сошли, накрапывал дождик. Все в шапках, только я без. И решил вернуться. Сумерки — трудно идти, а на дороге еще на тротуаре корзинки: хлеб. (...) И я иду и думаю: „Какая ерунда, зачем я вернулся!“ Я знаю, как удивится С. П. А возвращаться — у меня нет билета»³².

Сон с 29 на 30 января 1947 г.:

«В Москве вижу из окна: я смотрю прямо, а вижу, что направо — я вижу, что происходит за окнами в фабричных спальнях: утро — поднимаются — и все торопятся — какой-то предбанник человеческих тел»³³.

Параллельно с темой возвращения на родину — в то место, куда надо вернуться, в сновидениях развивалась тема «Наташи Ремизовой» — человека, к которому собирался ехать писатель. Сны о дочери вначале основаны на его воспоминаниях о последней встрече с Наташей — 15-летней девочкой — на Украине летом 1917 г. Затем на «дневной» странице «Дневника мыслей» 1946 г. появилась lapидарная информация о смерти дочери. Она умерла от болезни сердца в киевской больнице в 1943 г., через несколько месяцев после кончины Серафимы Павловны, в момент отступления немцев из города. В течение трех лет Ремизов не имел сведений о случившемся. После получения писателем известия об этом трагическом событии (вероятно, от внука) Наташа Ремизова стала частым ночным гостем литератора. При этом характерно, что эти сны были и материализацией в ночных образах плача о дочери, и одновременно

32. Наст. изд. С. 179.

33. Наст. изд. С. 198.

попытками как-то, в ночном зеркале астрального мира, увидеть те этапы жизни ушедшей, которые прошли не на глазах отца.

Сон с 1 на 2 сентября 1946 г.:

«Я вхожу в комнату — низкая, но просторная. И Наташа (Ремизова). Полузрелая, как я ее видел в последний раз в 1917 г. На шее у нее свинцовое ожерелье двойное. И называет она меня не „папа“, а „батюшка“ (...)»³⁴.

Мы вернулись и на амвоне в воздухе лист: написано, я догадываюсь — буквы стерты — трудно разобрать: *Natalie Remisoff*. А дальше, нет, не могу разобрать»³⁵.

Сон с 22 на 23 октября 1946 г.:

«С. П. получила письмо от Наташи. Мне показывает. Большой лист со всякими отметками. Она где-то под Киевом учительница. Отметка синим — о предметах преподавания»³⁶.

Сон с 17 на 18 ноября 1946 г.:

«Большой человек принес карточки (не знаю, на что). Я говорю: „Еще?“ Он удивленно. И я вижу у него траур не на рукаве, но сбоку к животу. „Я тоже, — сказал он, — и чувствую, как тут, — он показал на грудь, — что-то зовет“. И пошел с карточками. Я понял. Наша консьержка Яга: „Как бы ей хотелось повидать Наташу... и Соню!“ Я говорю: „Наташа померла“. А кто эта Соня, я не могу представить себе»³⁷.

Сон с 22 на 23 ноября 1946 г.:

«Видел Наташу (Ремизову) в сером, я слышу ее голос — серебро: „Верую в Един(ого) Б(ога) Отца“. Заслушался ее пения»³⁸.

34. Наст. изд. С. 139.

35. Наст. изд. С. 141.

36. Наст. изд. С. 159.

37. Наст. изд. С. 169—170.

38. Наст. изд. С. 173.

Однако несмотря на известие о смерти Наташи в 1946—1947 гг. Ремизов не прекратил предпринимать усилия для своего возвращения на родину. Как известно, он посещал советское посольство в составе делегации представителей русской эмиграции³⁹. О визите 1947 г. имеется его собственное шуточное свидетельство в неопубликованном письме Н. Кодрянской от 2 июля того же года: «Боже мой, еще не конец: сейчас взяли меня в Посольство. Посадили с Молотовым и Богомоловым. Я все смотрел. А в разговорах у меня ничего не выходит, т. е. нужно долго и много говорить. А так налету ерунда, и уж про мышку совсем ни к чему курам на смех»⁴⁰. Позднее, в середине 1950-х гг., в материалах книги о самом себе «Лицо писателя» Ремизов записал: «Из 1947 г. мне памятли три отзывает: 1) ретроград (Н. Н. Евреинов) / 2) подлец (И. Д. Сургучев) / „советская сволочь“ (И. А. Бунин) / Я никак не отозвался, я только подумал о легкости человеческого суда. Евреинов при встрече на мой поклон не ответил, с Сургучевым я не встречался, а Бунин заходил ко мне с Бахраком или Пантелеймоновым. И любил сидеть на кухне»⁴¹.

Впечатления от встреч с советскими чиновниками и посещения посольства СССР также отразились в снах этого времени.

Сон с 13 на 14 мая 1946 г.:

«Какая вышла история: нам дали деньги серебряные, одни монеты большие с чернью, что-то вроде орла. А надо разменять, но где. И тут какой-то вроде Корякова повел нас в Сов(етское) Посольство. И с деньгами пропал. Ходим мы по комнатам — народу много,

39. См., например: Белобровцева И. Русская литературная эмиграция о «визите в советское посольство» (1945): событие и реакция // Блоковский сборник. Тарту, 1996. [Вып.] XIII. С. 233—243.

40. Ремизов А. М. Письмо Н. В. Кодрянской. 2 июля 1947 г. // РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 169. Л. 5.

41. Ремизов А. М. Лицо писателя: материалы к книге // Грачева А. М. Жанр романа и творчество Алексея Ремизова (1910—1950-е годы). СПб., 2010. С. 394.

просители и служащие, а нет ни Корякова, ни денег, но и того и гляди нас „заделают“»⁴².

Сон с 28 на 29 января 1947 г.:

«Довольно путаный сон. Я хотел взять билет в метро. Я вынул — мне казалось 2 р(аза) 5 фр., только что-то темные. Кассир все забрал и обрадовался: эти деньги ищут, это золотые. Я говорю С. П.: „Теперь нас арестуют и что говорить: я не помню, как они к нам попали“. Прохожу по улице — зеленая — д(олжно) б(ыть), это Сов(етское) Посольст(во). Вхожу: Равич — она очень обрадовалась. И еще кто-то из старых знакомых. „Я что-то обещал и я исполню“»⁴³.

На «дневных» страницах контакты Ремизова с советским посольством не отражены. Исключение — датированная 17 октября 1946 г. помета: «паспорт». Вероятно, это указание на день получения Ремизовым советского паспорта. Примечательно, что эта дневная запись напрямую корреспондирует со сном накануне получения документа — эмоциональным переживанием грядущего события.

Сон с 16 на 17 октября 1946 г.:

«В саду Емельянов в черном и без носа, но хорошо заросло, ничего нет на что и смотреть неловко. Он должен выдать мне и С. П. паспорта. И это задерживает, что С. П. В комиссариате большая очередь сидит, но я подошел без очереди, я вспомнил, что уж год, как готовы наши „свидетельства“, а я забыл и не взял. И в это время перерыв. Все уходят. Я остановил не ту, к(отор)ая выдала, а которая с ней. И вынул 50 фр. — как полотенца и все-то „подштопаны“, с подклейками. А она взяла, ничего»⁴⁴.

42. Наст. изд. С. 88.

43. Наст. изд. С. 197.

44. Наст. изд. С. 157.

Возвращение на родину было чаемым событием для Ремизова как человека и как писателя. Это означало бы открытие его книгам пути к читателю, оставшемуся в России. 1946—1947 гг. — время интенсивных контактов писателя с кругом лиц из Союза советских патриотов и печатания глав из книги «Иверень», посвященной его революционной юности, на страницах их органа — газеты «Советский патриот». Сведения о публикациях тщательно зафиксированы в информативных дневных записях, а редактор газеты «Советский патриот» Д. М. Одинец стал одним из героев ремизовских снов.

Сон с 10 на 11 апреля 1946 г.:

«Я один занимаю большую квартиру. Комната пустая. За ванной есть еще комната для прислуги. Руманов и еще какой-то, потом выясняется, что это Одинец. (Хотя Одинец уже был, и я ему отказал.) Одинец просит принять его. Умоляет. И идет по комнатам. (Если бы он знал, что есть еще за ванной.) Но я решительно отказываюсь. „Ради Бога!“ — „Нет.“ И провожаю их. Они спускаются по лестнице. Лестница широкая деревянная ⟨...⟩ И я спускаюсь сзади. И Одинец ругательски ругает меня. И я плюю вниз на него. Он приостановился и, вижу, возвращается. И тогда я скорее назад. Бегу — мимо консьержки — и выше. Я знаю, он ударит меня. И задохнулся»⁴⁵.

Сон с 28 на 29 апреля 1946 г.:

«Мы идем в очереди к причастию. Священник — Одинец. С. П. впереди. ⟨...⟩ какая-то дама, высокая, с лицом Р. Блох. Одинец разговарив(ает) с ней, я слышу, о яйцах. И я совсем теряюсь от возмущения. Мне ужасно за С. П. ⟨...⟩ Так задерживает, говорю. И смотрю на С. П.: лицо у нее посинело. Это видит священник Одинец. И говорит:

45. Наст. изд. С. 73.

„Я провожу ее“. И причащает меня. И я что-то говорю — мои слова как искры. И Одинец, отставляя чашу, машет руками: „Кикимора!“. От возмущения я проснул(ся). И когда опять заснул, вижу, мы в церкви. И я прохожу к причастию — тихо. И возвращаясь, вижу Сомова. Пришел к нам Б. В. Савинков. Он говорит нам, что он устраняется от всякой революционной деятельности»⁴⁶.

Разноплановый материал, содержащийся в тексте «Дневника мыслей» 1946—1947 гг., позволяет в значительной степени реконструировать сложную политическую и духовную атмосферу русского послевоенного Парижа, в которой находился Ремизов и которая существенным образом влияла на его итоговый жизненный выбор.

Информативные списки имен на «дневных» сторонах «Дневника» включают в себя представителей не только первой, но и второй волны эмиграции, — т. е. людей, не понаслышке знавших темные стороны сталинского режима. Так, в частности, неоднократно на страницах появляется имя «невозвращенца» М. Корякова. Анализ сно-форм показал, что семантическим ядром образов, тем, мотивов, связанных с темой «возвращения в СССР», стали понятия «опасность», «провокация», «зло». Не случайно в ремизовском сне об Одинце возникала фигура Б. Савинкова, как известно, заведенного на территорию СССР советскими спецслужбами и впоследствии погибшего при невыясненных обстоятельствах в тюрьме на Лубянке. С этими мотивами коррелирует ремизовский сон с 17 на 18 января 1947 г.:

«Долго писал, засыпая. Меня вызывают в Москву. А я думаю, — если я поеду, меня не выпустят»⁴⁷.

46. Наст. изд. С. 81—82.

47. Наст. изд. С. 193.

«Дневник мыслей» 1946—1947 гг. зафиксировал постепенную кристаллизацию в сознании Ремизова *идеи о невозможности реального возвращения на родину*. Причем исходным толчком для ее возникновения было не представление о своей физической немощи, а понимание того, что отсутствуют факторы человеческой и духовной мотивации для совершения последнего решительного шага. Дочери Наташи уже не было на свете, а доходившие сведения о послевоенном лице режима в СССР будили воспоминания литератора о его жизни в Советской России периода красного террора. Получаемая Ремизовым информация о положении литературы в СССР также не оставляла места иллюзиям о том, что на Родине выпуск его книг станет возможным. Свидетельство о внимании писателя к этой проблеме — вероятности *возвращения домой Ремизова-писателя* — можно найти, в частности, в его письме Н. Кодрянской от 13 августа 1947 г.: «Очень меня огорчила статья в „Правде“. Даже такое ремесленное, как „recherché du style“⁴⁸ объявляется преступным, конечно, и мои сны: „goût de l’absurd“»⁴⁹.

Однако и в дальнейшем тема России будет оставаться одной из центральных тем «Дневника мыслей». На рубеже 1940—1950-х гг. Ремизов писал: «Я подумал: „вот однажды на оклик проснусь, и все, что было, окажется только сон был“. И это так, как с болью когда-то думалось, что вот проснусь и окажется: Россия — я в России, а все эти годы здесь лишь сон был. Но странно (<...> с годами этот сон, я чувствую, меня окутал, и все плотнее, и порой мне снится, что Россия — это только мой волшебный сон» (Ремизов. *В розовом блеске*. С. 707).

Второй том «Дневника мыслей» представляет собой полномасштабное, хотя во многом скрытое отражение его жизни и творчества 1946—1947 гг. На этом этапе писатель уже полностью выработал художественную форму своего необычного дневника,

48. исследование стиля (фр.).

49. бессмысленный стиль, несуразица (фр.).

позволяющую фиксировать все стороны его бытия. Как в дневных, так и в ночных записях представлен широкий круг лиц, с которыми реально или ментально контактировал Ремизов. Анализ состава многочисленных героев «Дневника мыслей» и связанных с ними сюжетов ремизовских сновидений существенно дополняет знания о послевоенной поляризации русской эмиграции, о развитии процесса репатриации и об отношении к этим «больным вопросам» самого писателя. В «Дневнике мыслей» также отражены литературные труды Ремизова этих лет — его одновременная работа над книгами «Мышкина дудочка»⁵⁰, «В розовом блеске» (часть «Сквозь огонь скорбей») и «Иверень». Все эти произведения были непосредственно связаны с осуществлением главной духовной задачи писателя — «воскрешением» через творческий акт его утраченной единственной любви — Серафимы Павловны, остававшейся постоянной спутницей Ремизова в его ночных странствиях по временам и пространствам.

А. М. Грачева

50. На непосредственную связь двух произведений указывает авторский подзаголовок к публикации части первоначальной редакции «Мышкиной дудочки» в «Русском сборнике» 1946 г.: «Мышкина дудочка. Интермедия. К истории „Сквозь огонь скорбей“».